

Назначать наследником старшего сына от законной жены — испокон веков так повелось. Даже если старший принц рождён от наложницы Ли, он, несомненно, сильнейший претендент. Однако боюсь, чем выше его чаяния, тем большее будет падение. Старший принц преуспел в воинском деле, а второй принц, Сяо Цзин, был человеком книжным. Он публично исполнил мелодию «Ваншу правит луной», что тоже вызвало всеобщее одобрение, хоть и не столь бурное, как выступление Сяо Юя. Лишь тогда я обратил внимание на этого сына Сяо Ланя. Он не блистал, как Сяо Юй, дни напролёт предавался музыке, песням и танцам, имел глаза, полные чарующей прелести, и славился любовными похождениями. Однако, помня пример Сяо Ланя, чем больше он вёл себя так, тем сильнее во мне росли подозрения.

Третий принц был ничем не примечателен. Будучи от природы молчаливым, он преподнёс Сяо Ланю нарисованную собственноручно картину. Работа была выполнена легко и мастерски — куда лучше, чем у Сяо Ду, — чем несказанно обрадовала Сяо Ланя.

Когда же настал черёд Сяо Ду, он, воспользовавшись хмельным угаром, взял у стражи поясной меч и исполнил в зале танец с оружием. Однако, в отличие от состязаний по стрельбе из лука и верховой езде, на сей раз он не выказал прежней дерзости, тот пыл юнца, что не ведает страха, поутих. Каждое движение, каждый поворот — словно тяжёлый меч без заточенного лезвия: мощно, но без вызова. Неизвестно, сделал ли он это намеренно или был слишком пьян и невнимателен. Впрочем, так даже лучше. Сяо Лань изначально не собирался делать его наследником, а умение избегать опасностей лишь закалит его когти.

Закончив танец, Сяо Ду преклонил перед Сяо Ланем колени. В миг, когда он склонил голову, налобная повязка внезапно соскользнула и упала на пол. Я скользнул взглядом по этой замшевой повязке, украшенной ночной жемчужиной, и вспомнил: полоска, которой мне завязали глаза, тоже, кажется, была из мягкой кожи. Веки мои задержались.

И в сердце внезапно родилась мысль.

Мысль столь невероятная, что я сам испугался. Увидев, как Сяо Ду наклоняется, подбирает повязку и завязывает её, я заставил себя отвести взгляд. О чём это я? Неужто заподозрил этого молокососа?

Разве кожаная полоска обязательно должна быть повязкой? Конечно, нет.

Я вновь окинул взглядом зал. Во время весенних жертвоприношений многие по обычаю используют изделия из звериной кожи, кожаные аксессуары встречаются повсюду. Многие из присутствующих носили кожаные пояса — кто похуже, кто получше, — да и выпили почти все. Вычислить того таинственного человека не представлялось возможным, и я решил оставить это до расследования после пира.

По окончании пира дворцовая знать осталась ночевать в Дворце Чуньсюй, и я не был исключением.

Спеша ознакомиться с тайным посланием, переданным мне Бай Яньчжи, я под предлогом недомогания отказался присоединиться к Сяо Ланю и прочим для созерцания луны с крыши дворца. Несколько слуг Дворца Чуньсюй «проводили» меня в покои во внутреннем дворе за главным залом.

Войдя в комнату, я укрылся за ширмой, осторожно поднёс письмо к пламени масляной лампы и, разглядев теснящиеся строки, немедля предал его огню. Распахнув окно, чтобы развеять пепел, я в щели мельком увидел промелькнувшую тень. Сердце ёкнуло, я резко распахнул створки и крикнул: «Кто здесь?»

Ответа не последовало. За окном простирался сливовый сад, ветви отбрасывали причудливые тени. Свет дворцовых фонарей, падая на гладкий лёд озера, уподоблялся рою парящих в воздухе блуждающих огоньков — жутковато и пленительно одновременно.

Весенний холод просочился сквозь толстую лисью шубу, и по спине пробежала дрожь. Слово «призрак» неожиданно выпрыгнуло из глубин сознания.

Я боялся призраков. Мои руки были по локоть в крови сводных братьев. Взойдя на престол, я стал мнительным, мне часто снилось, как они являются с отрубленными головами, с трёхметровыми белыми шёлковыми петлями или с чашами алого отравленного вина, широко раскрыв яростные очи, требуя мою жизнь. Я ни о чём не сожалел, но это не значило, что страха не было.

Я убил своего второго брата, Сяо И, именно в Дворце Чуньской, и тоже в день весеннего жертвоприношения. Он погиб в озере этого сада, обвинённый в покушении на жизнь нового императора, — ложное обвинение. На деле же я просто не мог успокоиться, помня о его былых заслугах и о врождённой аномалии — двойных зрачках, что звались ликом правителя. Я знал: рано или поздно он займёт моё место, и потому нанёс удар первым.

Выражение его лица в миг, когда он тонул, — кошмар, который я не забуду до гроба.

Я уставился на ледяную гладь, опасаясь, что вот-вот чьи-то руки разобьют лёд и оттуда выберется Сяо И. И в этот момент мелькнувшая над льдом тень заставила меня вздрогнуть всем телом — я едва не захлопнул окно и не обратился в бегство. Вслед за ней появилась вторая. Я успокоил дыхание, присмотрелся и понял: это всего лишь люди, катающиеся на коньках, а не призраки.

Но кто они? Что делают здесь в такой поздний час?

Охваченный недоумением, я вышел через чёрный ход, тихо подкрался к сливовому дереву у озера и при лунном свете разглядел, как одна фигура скользит по льду с невесомой грацией, словно летит по ветру. Другая, повыше, неотступно следует за ней, будто телохранитель, то и дело подхватывая, чтобы та не упала. Оба казались необычайно близки, но это были не кто иные, как второй сын Сяо Ланя, Сяо Цзин, и третий, Сяо Мо.

— Братья питают друг к другу такую привязанность? Среди членов императорского дома такое — большая редкость.

Однако, повзрослев и окунувшись в кровавую борьбу за власть, смогут ли они сохранить прежние чувства?

Размышляя так, я невольно ощутил лёгкую грусть. Уже собирался вернуться в покои, как вдруг увидел: Сяо Цзин пошатнулся, поскользнулся и рухнул на лёд. Сяо Мо тотчас остановился, опустился на колени, снял с брата коньки и принялся разминать ему лодыжку, словно в том, чтобы старший брат прислуживал младшему, не было ничего зазорного. Сяо Цзин же, улыбаясь, закинул вторую ногу на плечо брата — точь-в-точь как обращаются с слугой. Сяо Мо, закончив массаж, на том не остановился: обхватил брата за талию, поднял и, пошатываясь, скользя на каждом шагу, понёс обратно. Даже у края озера не осмелился выпустить.

Похоже, отношения у этих братьев не такие уж и безоблачные.

Я усмехнулся про себя: старший так помыкает родным братом, а тот и пикнуть не смеет. Вероятно, всё потому, что Сяо Цзин более одарён. И в этот момент до меня донеслись по ветру

едва уловимые звуки. Звуки прерывистые, тихие — будто сдержанные всхлипы, будто кошачье мурлыканье, перемежающиеся влажным, липким, сладострастным дыханием.

Я не был неофитом в делах любви — как мог не понять, что это?

Затаив дыхание, я раздвинул ветвь пламенно-алой сливы и взглянул в ту сторону. Две фигуры сплетались у подножия дерева на берегу, пригнув ветку; лепестки, словно снег, осыпались в грязь. Лунный луч, пробившись сквозь листву, выхватил их тела — ослепительно ярко, будто мазок светлой краски на густо написанной картине.

Сыновья Сяо Ланя — все унаследовали его уродливый нрав и склонности.

Однако этот позорный секрет мог превратиться в мой козырь.

Я бесшумно отступил, сделал несколько шагов назад и вдруг спиной наткнулся на что-то.

Вся внутренность похолодела. Поняв, что это дерево, я выдохнул с облегчением, но в тот же миг на лицо упала капля. Я провёл рукой по щеке, машинально поднял глаза и увидел на ветке над собой человеческий силуэт. Мгновенно вспомнил своего третьего брата, повесившегося, — волосы на затылке встали дыбом. Я рухнул на землю, задом пополз прочь, но что-то острое внизу проткнуло сапог и вонзилось в голень. Стиснув зубы от боли, я глухо простонал, обхватил ногу. А силуэт наверху наклонился, спустился вниз и твёрдо ступил на землю, с хрустом раздавив опавшие листья.

Человек. Не призрак.

«Дядя, это я».

Тихий оклик вернул на место едва не выпорхнувшую душу.

Оказалось, это Сяо Ду.

Что он делал здесь в такой поздний час? Выслеживал Сяо Цзина и Сяо Мо?

Я глубоко вздохнул, увидев, как Сяо Ду подходит и наклоняется, чтобы помочь мне. Но тут неподалёку звуки внезапно стихли, сменившись шёпотом. Я поспешно прикрыл ему рот ладонью: «Тсс! Ни звука. Не двигайся».

Сяо Ду замер, безмолвствовал. Его дыхание, густо пропахшее вином, било мне в лицо, и я не мог не вспомнить недавнее нападение в чаще. Подозрительные мысли зароились в голове. И как раз в этот момент те сладострастные звуки возобновились, да с ещё большей безудержностью, волна за волной, — мне и то стало стыдно слушать.

— Неизвестно, Сяо Цзин это или Сяо Мо, но можно сказать... от природы наделён обольстительной прелестью, превосходящей женскую.

<http://bllate.org/book/15952/1426314>